Т.А. Косых

СЭМЮЭЛ ДЖОНСОН VS ДЭВИД ЮМ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ «КУЛЬТУРЫ ДУХА» И «КУЛЬТУРЫ РАЗУМА»[1]

Статья посвящена истории противостояния британских интеллектуалов XVIII века – Сэмюэла Джонсона и Дэвида Юма. Анализируются взгляды английского лексикографа и шотландского философа на ревностную религиозность и веру в чудеса, проблемы достижения счастья и историю. Акцентируется внимание на олицетворении Джонсоном и Юмом двух интеллектуальных традиций эпохи Просвещения. Джонсон являлся поборником «культуры духа», для которого свобода мысли вовсе не подразумевала посягательство на вопросы веры. Юм – ярким представителем «культуры разума», выступавшим за рациональное познание мира и человека.
Ключевые слова: *история Британии, эпоха Просвещения, английское Просвещение, шотландское Просвещение, интеллектуалы, Сэмюэл Джонсон, Дэвид Юм*

Имена двух современников – Сэмюэла Джонсона (1709–1784) и Дэвида Юма (1711–1776) – неизбежно ассоциируются с когортой британских интеллектуалов, писателей и философов XVIII века: Б. Мандевилем, О. Голдсмитом, Э. Берком, А. Смитом, Х. Блэром, А. Фергюсоном и др. Тем не менее, при первом приближении сопоставление взглядов Джонсона и Юма кажется парадоксальным и в какой-то степени неуместным, поскольку едва ли найдется среди британских просветителей XVIII в. два гения, чьи воззрения подчас были абсолютно противоположны. Как справедливо вопрошает современный американский исследователь У. Поткай, «есть ли два других интеллектуала XVIII столетия, столь непохожие друг на друга? Религиозный доктор и неверующий скептик; почтенный старец и несносное дитя; блестящий острослов и солидный философ»[2]. Впрочем, обращение к сочинениям двух просветителей свидетельствует о длительной дискуссии и интеллектуальном противостоянии между английским лексикографом и шотландским философом, а также не только о кардинальных различиях в их взглядах, но и об определенных сходствах. Данная статья посвящена поиску общего и особенного в трудах Джонсона и Юма.

Юм является одним из самых выдающихся мыслителей эпохи Просвещения вне зависимости от того, о какой просветительской традиции идет речь – шотландской, британской или общеевропейской. По мнению канадского исследователя Д.Ф. Нортона, в большей степени Юм известен своим вкладом «в эпистемологию, метафизику и философию религии», в меньшей – достижениями в области «моральной психологии, политической и экономической теории, истории»[3]. Тем не

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНА № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен, XVII-XVIII вв.»).
[2] Potkay 2000: 1.
[3] Norton 2005: 25.

менее, едва ли найдется труд по философской, исторической или общественно-политической мысли XVIII столетия, в котором не будет уделено внимание характеристике сочинений Юма. Несмотря на исследовательские дискуссии о месте шотландского Просвещения в общеевропейском интеллектуальном пространстве XVIII в.[4], авторитет Юма на олимпе деятелей эпохи Просвещения остается незыблем.

Иная судьба постигла Джонсона. Образ острослова и заядлого спорщика с внушительным перечнем предрассудков, созданный на страницах «Жизни Сэмюэла Джонсона» (1791) Дж. Босуэлла, привел к тому, что на протяжении двух столетий Джонсон был вычеркнут из числа ведущих деятелей эпохи Просвещения поскольку считалось, что его суждения не соответствовали духу времени. Как пишет канадский исследователь Н. Хадсон, «для историков, убежденных, что философская мысль XVIII в. стала вызовом для христианства, Джонсон представляет собой пример ревностной защиты религии и предрассудков в просвещенную эпоху»[5]. Более того, стоит согласиться с утверждением У. Поткая о том, что вплоть до настоящего времени Джонсон нередко остается в забвении у исследователей эпохи Просвещения, не занимающихся изучением наследия знаменитого английского лексикографа[6].

Однако поворот в изучении европейского Просвещения, который пришелся на 1980-е гг., привел к признанию его фрагментарности и многоликости, неразрывной связи с интеллектуальным климатом предшествующей эпохи и национальным контекстом[7]. В этой связи воззрения С. Джонсона стоит рассматривать не как пример «Контрпросвещения», а как подтверждение континуитета между «культурой духа» и «культурой разума», религиозной и просветительской традициями: «творческая мысль Джонсона ищет компромисс между просветительскими и христианскими устремлениями, пытается скорректировать просветительскую мысль, поставив ее на христианскую основу»[8]. Кроме того, ряд произведений Джонсона (например, эссе из «Рамблера» и «Айдлера» или проповеди) представляют собой ответ на сочинения других просветителей и пример «диалога» литератора с моралистами и философами. Одним из таких «адресантов» Джонсона был Дэвид Юм.

Джонсон и Юм были представителями одного поколения. Первый родился в 1709 г., второй – в 1711 г. Юм был третьим сыном шотландского юриста, принадлежавшего к дворянскому роду и владевшего поместьем в Бервикшире, Джонсон – сыном английского книготорговца из Личфилда. Финансовое положение семьи Юма было выше, чем у Джонсона, однако, будучи младшим сыном джентри, Юм был вынужден самостоятельно зарабатывать средства на жизнь наравне с Джонсоном.

[4] Высокова 2013 (а): 78–80. См.также: Высокова 2013 (б).
[5] Hudson 1990: 7.
[6] Potkay 2010: 6.
[7] См.: The Enlightenment in National Context 1981.
[8] Зыкова 2009: 21.

Конечно, нельзя не отметить, что образование будущего шотландского философа было более основательным: он обучался дома, после чего поступил в Эдинбургский университет в 1723 г.[9] Впоследствии он постигал азы латинского и, частично, греческого языков в грамматической школе Личфилда и лишь счастливый случай – небольшое наследство – позволил ему в 1728 г. отправиться в Пемброк-колледж Оксфордского университета для продолжения образования. Впрочем, оба оставили университеты без получения степени: Юм покинул университет после трех лет обучения, чтобы, по настоянию семьи, связать свою жизнь с юриспруденций (что оказалось безуспешным), в то время как Джонсон, обучавшийся в Оксфорде на протяжении 13 месяцев, был вынужден прервать образование из-за финансовых проблем.

Парадоксальным сходством в биографиях двух гениев является еще один факт: в период между 1729 и 1734 гг. и Джонсон, и Юм находились в состоянии депрессии. Позднее Джонсон характеризовал этот период своей жизни как время «болезненной меланхолии» и «ужасающей ипохондрии, сопровождавшейся постоянными вспышками гнева, раздражительностью, нетерпеливостью, подавленностью, унынием и отчаянием, что делало жизнь ничтожной»[10]. Недуг, поразивший Юма в эти же годы, его лечащий врач назвал «болезнью образованных», которая проявлялась в таких симптомах как «равнодушие и леность»[11]. Если Джонсона депрессия привела к религиозным исканиям и ревностному англиканству, то Юма – к сомнениям в вере и скептицизму.

В дальнейшем жизненные пути Юма и Джонсона были также схожи. Первых успехов на избранной стезе оба добиваются в конце 1730-х – 1740-е гг.: для Джонсона это были годы литературной поденщины, работы в журнале «Джентельменс мэгэзин» и издания поэм «Лондон» (1738) и «Тщетность человеческих желаний» (1749); для Юма – активной публицистической деятельности, приведшей к созданию «Трактата о человеческой природе» (1739–1740) и «Исследования о принципах морали» 1749 г. Всеобщего признания оба гения добиваются в 1750–1760-х гг. К Джонсону слава приходит после публикации «Словаря английского языка» (1755), а также редакции и издания восьми томов сочинений Шекспира (1765). Назначение литератору в 1762 г. пожизненной королевский пенсии размером 300 фунтов позволило ему пожинать плоды своих трудов: писать не ради денег, путешествовать и проводить время в «словесных дуэлях» в клубах и кофейнях. Юм становится знаменитым некоторое время спустя после издания «Естественной истории религии» (1752) – всеобщий успех и признание приходит к нему вместе с публикацией «Истории Англии» в 1754–1761 гг. В 1760-е гг. Юм получает известность во Франции, где сводит знакомство с такими философами, как Дидро, Д'Аламбер и Гольбах.

[9] Лабутина, Ильин 2012: 227.
[10] Boswell 1998: 47.
[11] Potkay 2000: 32.

Наличие определенных параллелей в судьбах интеллектуалов не привело к их близкому знакомству или открытой полемике между ними. Известно, что знаменитый биограф Джонсона Дж. Босуэлл был в дружеских отношениях Юмом. Однако Босуэллу, вопреки всем стараниям, не удалось добиться встречи английского лексикографа с шотландским философом. Несмотря на общий круг общения – оба были знакомы и состояли в переписке с А. Смитом, У. Робертсоном, Т. Смоллеттом – их пути практически не пересекались, и лишь благодаря мемуарам книготорговца Дж. Лэкингтона нам известен анекдот с описанием их мимолетного знакомства, состоявшегося в лодке на переправе через Темзу. По словам Лэкингтона, обнаружив, что он находится рядом с «деистом Юмом», Джонсон будто бы сказал, что, если бы узнал об этом ранее, «его ноги не было бы в этой лодке»[12]. Подобные истории о Джонсоне, отличавшемся эксцентричными поступками и резкими высказываниями, нередко встречаются в мемуарах его знакомых, однако вопрос, насколько можно доверять рассказу Лэкингтона, остается открытым.

Главным источником, позволяющим судить о неприятии Джонсоном и Юмом друг друга, являются сочинения и корреспонденция Босуэлла. Так, о враждебном отношении Джонсона к Юму известно по сочинению Босуэлла «Жизнь Сэмюэла Джонсона». К примеру, Джонсон неоднократно высказывался о Юме как о человеке, который «никогда не читал внимательно Новый Завет»[13]. Или: «Юм и другие скептики – тщеславные люди, потакающие себе любой ценой. Правда – непозволительная пища для их тщеславия, поэтому они прибегают ко лжи»[14]. Кроме того, в «Журнале путешествия по Гебридам» (1785), который Босуэлл опубликовал после тура по Западным островам Шотландии, был записан следующий разговор с Джонсоном: «Я [Босуэлл] заметил, что мистер Юм, в некоторых произведениях которого были весьма нелицеприятные высказывания о религии, был тори. Джонсон: “Сэр, Юм, будучи шотландцем, случайно стал тори; но не из принципа или чувства долга, у него нет принципов. Если он и является кем-то, то Гоббсианцем”»[15]. Порой неприязнь интеллектуалов была обоюдна. Босуэлл утверждал, что Юм часто говорил о Джонсоне «в весьма нелестной манере»[16]. Тем не менее, именно Джонсон выступал с критикой сочинений Юма, в то время как шотландский философ был более сдержан в оценках творчества английского лексикографа. Так, в письме к издателю Уильяму Стрэхэну от 11 марта 1771 г., Юм писал, что памфлет Джонсона «Размышления о последних операциях на Фолклендских островах» 1771 г. «неплох и весьма забавен из-за своеобразия и помпезности стиля»[17].

[12] Lackington 1792: 439.
[13] Boswell 1998: 357.
[14] Ibid.: 314.
[15] Boswell 1785: 335.
[16] Цит. по: Russell 1990: 75.
[17] The Letters of David Hume 1932: 240.

Камнем преткновения между двумя интеллектуалами стало отношение к религии. Одной из целей философии Юма было стремление «опровергнуть притязания христианской метафизики и этики и создать светское моральное и политическое видение мира»[18]. Юм весьма критически относился к вере в чудеса, которая составляла одну из основ миросозерцания Джонсона. В «Эссе о чудесах» (1748) Юм утверждал, что «чудо есть нарушение законов природы, а так как эти законы установил твердый и неизменный опыт, то доказательство, направленное против чуда, по самой природе факта настолько же полно, насколько может быть полным аргумент, основанный на опыте. […] Всякому чудесному явлению должен быть противопоставлен единообразный опыт, иначе это явление не может заслуживать подобного названия»[19].

Опровержение Юмом чудес по причине того, что «во всей истории нельзя найти ни одного чуда, засвидетельствованного достаточным количеством людей, столь неоспоримо здравомыслящих, хорошо воспитанных и образованных, чтобы мы могли не подозревать их в самообольщении»[20]. Вера, по Юму, сама по себе является чудом, побуждающим «верить в то, что совершенно противоречит привычке и опыту»[21], что не могло не вызвать реакцию со стороны общественности. На Юма обрушились обвинения. Магистр Оксфордского университета Уильям Адамс утверждал, что шотландский философ не только сражается с религиозными предрассудками, но и угрожает общественным устоям: «непростительно оскорблять то общество, в котором позволяется вести дискуссии и свободные исследования»[22]. О сочинении Адамса положительно высказывался Джонсон. В письме к Сэмюэлу Ричардсону он утверждал, что Адамс «зарекомендовал себя принадлежащим лучшей части человечества опровержением “Чудес” Юма»[23].

Английский лексикограф неоднократно обвинял Юма в склонности к деизму, скептицизму и святотатству, что ярко иллюстрирует одна из его проповедей. В тексте проповеди, вошедшей в собрание сочинений Джонсона под номером 20, «литературный диктатор» Англии стремится разоблачить лицемерие и ограниченность вольнодумцев, к числу которых причисляется Юм: «эти люди, кажется, открыли кратчайший путь к познанию. Они решают важнейшие вопросы посреди празднеств и беспорядков. Они обнаружили, что противника легче заставить замолчать, чем пытаться опровергнуть. Они оскорбляют своих соперников вместо того, чтобы сразить их, и отказываются от битвы, торопясь одержать победу. У них есть устоявшееся правило: тот, кто высмеивает мнение, уже опровергает его. По этой причине они без угрызения совести

[18] Russell 1990: 78.
[19] Давид Юм 1996: 97–98.
[20] Там же: 99.
[21] Там же: 114.
[22] Adams 1752: 134.
[23] The Letters of Samuel Johnson 2014: 80.

нарушают все правила приличия и с величайшим пренебрежением относятся ко всему, что считается священным»[24].

По мнению литератора, сочинения, подобные упомянутому эссе Юма «О чудесах», могли быть написаны только теми, кто «не осведомлен о собственной слабости и самонадеянно убежден в своих силах», теми, кто научился «не только пренебрегать религией, но и оскорблять ее, не только быть порочным, но и насмехаться над добродетелью»[25]. Несмотря на последовательное разоблачение взглядов Юма, Джонсон не касается болезненного для церкви XVIII века вопроса – защищают ли апологеты основы христианского вероучения ««вследствие фанатизма и предубеждения, или скорее при помощи разума»[26]. Таким образом, сам Джонсон отказывается принять позицию соперника, хотя в других проповедях, напротив, выступал за необходимость «вести споры без неподобающей горячности и нечестных уловок»[27]. Во многом такая позиция литератора объясняется особенностями жанра проповеди. В беседе с Босуэллом Джонсон сообщал, что «свободу мысли не следует путать со свободой разговора, тем более со свободой вероисповедания»[28]: «каждый человек имеет физическое право думать, как ему заблагорассудится, потому что нет возможности узнать его мысли. Он не имеет на это морального права, так как обязан быть сознательным и мыслить истинно. Но, сэр, ни один член общества не имеет права проповедовать учение, противоречащее тому, что общество считает истинным»[29]. Когда дело касалось религии, Джонсон готов был защищать ее от любого посягательства наравне с другими моралистами и теологами конца XVII – середины XVIII в., такими как П. Браун (1665–1735), Д. Роджерс (1679–1729), С. Кларк (1675–1729) и У. Лоу (1686–1761).

Другим важным вопросом, который занимал умы обоих интеллектуалов, была проблема достижения человеком счастья. Как отмечает британский историк Р. Портер, одной из особенностей эпохи Просвещения стало признание того, что «счастье – это единственная существующая ценность»[30]. Впрочем, среди британских просветителей не было единого мнения по поводу того, как стать счастливым. Так, Р. Стиль «полагал, что свобода и собственность являются необходимыми компонентами существования человека. На его взгляд, свобода и собственность – это составляющие счастья»[31].

Позиция Джонсона, утверждавшего тщетность поисков абсолютного счастья в земной жизни, не была популярна среди философов XVIII в. Одно из самых известных его сочинений, восточная повесть

[24] The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson 1978: 220.
[25] Ibid.: 217–218.
[26] Hudson 1990: 35.
[27] The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson 1978: 78.
[28] Зыкова 2009: 22.
[29] Boswell 1998: 539.
[30] Porter 2001: 264.
[31] Лабутина, Ильин 2012: 89.

«История Расселаса, принца Абиссинского» (1759) нередко рассматривается как антитеза знаменитой повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм», опубликованной в том же году. Современные исследователи признают, что хотя «на первый взгляд Вольтер и д-р Джонсон могут показаться столь же далекими друг от друга, как шампанское и ростбиф, их объединяют общие взгляды на многие вопросы»[32]. В данном случае оба писателя стремились представить свой взгляд на общую проблему – возможность достижения счастья. В то время как Вольтер убеждал читателей, что единственным делом, позволяющим познать счастье, является возделывание сада, Джонсон доказывал, что в мире вовсе нет наилучшего образа жизни и нет возможности познать абсолютное счастье. Впрочем, вывод Джонсона двойственен: «все человеческие надежды беспочвенны и не могут быть реализованы, но, несмотря на такую безысходность, необходимо использовать каждый шанс»[33].

Во взглядах Джонсона и Юма есть некоторое сходство в определении счастья и путях его достижения. В «Исследовании о принципах морали» Юм отмечает, что всем людям свойственен поиск счастья, однако преуспеть в осуществлении этого стремления весьма непросто: «Внутренний покой духа, сознание своей честности, удовлетворенность, возникающая, когда опрокидываешь взором собственное поведение, – эти условия крайне необходимы для счастья»[34]. В то же время взгляды Юма совпадают с Джонсоном, когда речь идет о сложности и, порой, недостижимости счастья: «Повсюду переплетены и смешаны добро и зло, счастье и несчастье, мудрость и глупость, добродетель и порок; нет ничего чистого и безусловно цельного. Все преимущества сопровождаются недостатками, всеобщее возмездие господствует при всех условиях жизни и существования»[35]. Джонсон более категоричен в вопросе о недостижимости счастья в земной жизни: «Каждому чего-то не хватает для счастья, а когда он получает то, чего ему первоначально хотелось, ему хочется чего-то еще; он растрачивает свою жизнь в погоне и усилиях и, умирая, возможно, сожалеет, что ему приходится оставить этот мир, как раз тогда, когда он предполагал насладиться им»[36].

Таким образом, воззрения Джонсона и Юма на счастье во многом совпадают. Оба рассматривали счастье не как мимолетное блаженство, но, напротив, по аналогии с Гоббсом, как постоянное движение и процесс, направленный на достижение счастья[37]. Оба интеллектуала были убеждены, что стремление к счастью свойственно человеку и определяет смысл человеческого существования, однако достижение счастья не всегда возможно. Более того, и Джонсон, и Юм сходятся в общей для

[32] The Enlightenment in National Context 1981: 47.
[33] Щербакова 2009: 52.
[34] Давид Юм 1996: 279.
[35] Там же: 376.
[36] The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson 1978: 127.
[37] Potkay 2000: 65.

английских просветителей формуле счастья: «будьте добродетельны, и вы будете счастливы»[38]. Правда, доктор Джонсон, в соответствии с христианским миросозерцанием, верил, что добродетельный человек познает счастье в жизни вечной.

Юм стал известен читающей публике во многом благодаря его «Истории Англии», и исследование традиций британского историописания XVIII в. немыслимо без обращения к труду шотландского философа. Джонсон вошел в историю как создатель «Словаря английского языка» и моралист, чьи взгляды на историю, казалось бы, не представляют интереса для исследователей. Тем не менее, анализ таких работ Джонсона, как эссе «Введение в политическое состояние Великобритании» (1756) и «Жизнеописаний важнейших английских поэтов» (1779–1781), позволяют сопоставить взгляды Юма и Джонсона на английскую историю. Нельзя не отметить, что английский лексикограф, исходя из общего неприятия философии Юма, никогда не читал «Историю Англии» и полагал, что Юм «никогда не взялся бы за исторические труды, если б Вольтер не подал ему пример. Он – эхо Вольтера»[39].

В представлении британских интеллектуалов XVIII столетия в английской истории не было периода более славного, чем елизаветинская эпоха. Джонсон полагал, что это правление заложило основы для дальнейшего развития страны[40]. Укрепление протестантизма, расширение торговых путей, основание колоний в Америке и внешнеполитические победы на европейском континенте – все это послужило на благо английского государства. Аналогично высказывался о политике Елизаветы и Юм. В «Истории Англии» он пишет: «Правлению этой королевы сопутствовали победы за границей и мир внутри страны, а потому она оставила государство в столь цветущем состоянии, что ее преемник, вступив на английский престол, получил все мыслимые преимущества»[41]. Эпоха Елизаветы Тюдор стала в георгианской Англии национальным мифом о великом прошлом – английском «золотом веке», и позиции Юма и Джонсона совпадали при интерпретации этого периода.

Иначе интеллектуалы оценивали последующие события английской истории. Особое внимание стоит уделить характеристике Кромвеля. «Кромвель, – утверждал Джонсон, – распустил парламент с помощью той же власти, которой он разрушил монархию, и сам стал монархом, под именем протектора, но с королевской и даже более чем королевской властью. Его власть никогда не претендовала на законность»[42]. Кромвель и его сторонники однозначно описываются Джонсоном как «повстанцы», «узурпаторы власти», «ответственные за смерть Карла I убийцы». Режим Оливера и Ричарда Кромвелей был «системой времен-

[38] Зыкова 2009: 20.
[39] Boswell 1998: 392.
[40] Johnson 1977: 130.
[41] Юм Т. 1. 2001: 6.
[42] The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson 2010: 132.

ного правительства, державшейся на одной только силе», однако она «естественным образом распалась на части, стоило этой силе удалиться»[43]. В то же время Юм, также называвший правление Кромвеля «узурпацией», видел куда больше достоинств в деятельности протектора. Если Юм пишет об успехах Кромвеля на международной арене, то доктор Джонсон с неудовольствием пишет о «тиране», у которого «пожалуй, не было времени на то, чтобы вникать в международные дела»[44].

Кроме того, у просветителей имелись расхождения во взглядах на Карла II Стюарта, который был для Джонсона олицетворением идеального монарха. Так, однажды в разговоре с Босуэллом, он отметил, что «Карл II знал свой народ и вознаграждал его по заслугам. Церковь не знала лучшего времени за всю свою историю. Он был лучшим королем за всю историю Англии вплоть до правления Его Величества (Георга III – *Т.К.*)»[45]. Более того, Джонсон высоко оценивал личные качества монарха: «Король, милосердию которого, пожалуй, нет равных во всем мире, отказался быть судьей или мстителем за ошибки отца или свои собственные»[46]. Куда негативнее о Карле II высказывался Юм: «Карл своими действиями, хотя они и казались всякий раз не более чем легкомысленной забавой короля, подвергал ее (Англию – *Т.К.*) опасности гражданской войны и даже иностранного вторжения, позорного и гибельного для Англии»[47]. Таким образом, два интеллектуала по-разному интерпретировали события английской истории XVII столетия.

Шотландские интеллектуалы XVIII в. стали создателями юнионистской традиции, способствовавшей интеграции Шотландии в единое британское государство[48]. Юнионизм выражался, в том числе, в готовности интеллектуалов интегрироваться в английское общество. Успешным примером такой инкорпорации можно считать Юма и его «Историю Англии». Тем не менее, лояльность шотландцев и их стремление преодолеть «травму» Унии 1707 г. далеко не всегда поддерживалась английскими интеллектуалами. Джонсон был убежден, что Шотландия никогда не сможет добиться равноправного с Англией положения и должна гордиться возможностью быть младшим партнером в Королевстве Великобритания. По мнению «чистокровного» англичанина, коим часто именовали Джонсона, Уния 1707 г. стала причиной коммерческого процветания Шотландии, а также привела к потере шотландской самобытности и попыткам создания мифов о шотландской исключительности посредством обращения к поддельным «поэмам Оссиана».

«Поэмы Оссиана» стали еще одним камнем преткновения для Джонсона и Юма. Опубликованные Дж. Макферсоном в 1761–1763 гг.

[43] Ibid.: 143.
[44] Johnson 1977: 138.
[45] Boswell 1998: 610–611.
[46] The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson 2010: 144.
[47] Юм Т. 2. 2001: 404.
[48] См.: Апрыщенко 2011: 5–23.

поэмы выдавались за аутентичный перевод сохранившихся рукописных фрагментов и устных преданий горцев. Для образованных шотландцев поэмы стали предметом национальной гордости и доказывали самобытность древней гэльской культуры. С восторженными отзывами о поэмах выступали просветители, литераторы и историки Х. Блэр, У. Робертсон и А. Смит. Юм в письме к Х. Блэру сообщал о том, что у него есть «свои особые причины верить в подлинность поэм»[49]. Доктор Джонсон вынес суровый приговор поэмам Макферсона, назвав их заурядным сочинением «лжеца и очернителя», а литераторов-защитников поэм – шотландцами, для которых «Шотландия дороже правды»[50].

Джонсон и Юм – представители одного поколения, появившиеся на свет в государстве, единство которого было подтверждено Актом об Унии 1707 г. Они олицетворяют две ветви британской просветительской мысли – «культуры духа» и «культуры разума», две части нового британского государства – Англии и Шотландии. Полемика между английским лексикографом и шотландским философом определялась традициями английского и шотландского Просвещения. Джонсон и Юм оказались по разные стороны баррикад в споре о «духовном» и «чудесном» во многом из-за различий в английской и шотландской интерпретациях религиозного вопроса. Характерная для шотландской и французской просветительской мысли рационализация выражалась в стремлении Юма выступить против религиозных предрассудков и суеверий и попытаться понять религию при помощи разума. С точки зрения Джонсона, воплощающего англиканские интеллектуальные традиции, подобное вольнодумство было неприемлемо по отношению к религии.

Джонсон представляет собой яркий пример защитника «культуры духа», для которого свобода мысли вовсе не подразумевала посягательство на вопросы веры. Литератор пытался найти компромисс между религиозным и светским, будучи убежденным, что просветительская мысль может существовать в рамках англиканства. Его идеи оказались надолго позабыты грядущими поколениями и уступили место «культуре разума», за которую ратовал Юм. Наследие Юма может по праву считаться воплощением апологии разума и эмпирического познания мира.

Сравнение взглядов Джонсона и Юма и сопоставление их интеллектуального наследия требует дальнейших исследований. Проблемы человеческой природы, возможностей рационального познания мира, отношение к Британской империи и Фолклендскому кризису 1770 г. – вопросы, на которые оба интеллектуала пытались дать собственный ответ, нередко тем самым вступая в дискуссию друг с другом. Несмотря на то, что на протяжении всего периода активной творческой деятельности просветители не вступали в открытую дискуссию друг с другом, диалог между ними состоялся – история интеллектуального противосто-

[49] Copy of a Letter from David Hume 1805: 5.
[50] The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson 1971: 119.

яния английского лексикографа и шотландского философа, английского литератора и шотландского историка, доктора Джонсона и мистера Юма сохранилась на страницах их произведений, ставших фундаментом британской интеллектуальной мысли XVIII столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Апрыщенко В.Ю. Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 5–23 [Apryshchenko V.Y. David Yum i britanskaya yunionistskaya tradiciya ehpokhi Prosveshcheniya // Dialog so vremenem. 2011. 37. S. 5–23]

Высокова В.В. Шотландские просветители: круг идей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013 (а). № 3. С. 78–90 [Vysokova V.V. Shotlandskie prosvetiteli: krug idej // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2013. № 3. S. 78–90].

Высокова В.В. Историографический и социальный контекст формирования концепции истории Дэвида Юма // Диалог со временем. 2013 (б). Вып. 45. С. 70-87 [Vysokova V.V. Istoriograficheskij i social'nyj kontekst formirovaniya koncepcii istorii Devida YUma // Dialog so vremenem. 2013 (b). Vyp. 45. S. 70-87].

Давид Юм. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2 / Пер. с англ. С.И. Церетели, В.С. Швырева и др. М.: «Мысль», 1996. 800 с. [David Yum. Sobranie sochinenij v dvukh tomakh. T. 2 / Per. s angl. S.I. Cereteli, V.S. Shvyreva i dr. M.: «Mysl'», 1996. 800 s.]

Зыкова Е.П. Англиканство и Просвещение в творческом сознании Сэмюэля Джонсона // Английская литература XVIII века: поэтика жанров, диалог традиций, межкультурные взаимодействия. Межвузовский сборник научных трудов к 300-летию со дня рождения С. Джонсона. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 16–24. [Zykova E.P. Anglikanstvo i Prosveshchenie v tvorcheskom soznanii Sehmyuehlya Dzhonsona // Anglijskaya literatura XVIII veka: poehtika zhanrov, dialog tradicij, mezhkul'turnye vzaimodejstviya. Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov k 300-letiyu so dnya rozhdeniya S. Dzhonsona. Kirov: Izd-vo VyaTGGU, 2009. S. 16–24].

Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 304 с. [Labutina T.L., Il'in D.V. Anglijskoe Prosveshchenie: obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl'. SPb.: Aletejya, 2012. 304 s.]

Щербакова Т.В. «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709-1784). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 161 с. [Shcherbakova T.V. «Velikij khaN» anglijskoj literatury Sehmyuehl' Dzhonson (1709-1784). Kirov: Izd-vo VyaTGGU, 2009. 161 s.]

Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т. 1–2 / Пер. с англ. А.А. Васильева, под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2001. [Yum D. Angliya pod vlast'yu doma Styuartov. T. 1–2 / Per. s angl. A.A. Vasil'eva, pod obshch. red. S.E. Fedorova. SPb.: Aletejya, 2001.]

Adams W. An Essay in Answer to Mr. Hume's Essay on Miracles. L.: Print. E. Say, 1752. 132 p.

Boswell J. The Journal of a Tour to the Hebrides, with Samuel Johnson, LL.D. L.: Printed by H. Baldwin. 1785. 524 p.

Boswell J. Life of Johnson: Unabridged / ed. by R.W. Chapman. Oxford: O.U.P., 1998. 1492 p.

Copy of a Letter from David Hume, Esq. to the Reverend Dr Hugh Blair, on the subject of Ossian's Poems, 19th Septem. 1763 // Report of the Committee of the Highland Society of Scotland Appointed to Inquire Into the Nature and Authenticity of the Poems of Ossian / H. Mackenzie. Edinburgh: Printed at the University Press, 1805. P. 4–8.

The Enlightenment in National Context / ed. R. Porter, M. Teich. Cambridge: C.U.P., 1981. 275 p.

Hudson N. Samuel Johnson and Eighteenth-century Thought. Oxf.: Clarendon Press, 1990. 272 p.

Johnson S. An Introduction to the Political State of Great Britain // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. Political Writings / ed. by D. Greene. New Haven and London: Yale University Press, 1977. P. 129–150.

Lackington J. Memoirs of the First Forty-Five Years of the Life of James Lackington. London: Printed for the Author, 1792. 486 p.

The Letters of David Hume. Vol. 2 / ed. by J.Y.T. Greig. Oxford: Clarendon Press, 1932. 498 p.

The Letters of Samuel Johnson. Vol. 1: 1731–1772 / ed. by B. Redford. Princeton: Princeton University Press, 2014. 468 p.

Norton D.F. Introduction to Hume's Thought // The Cambridge Companion to David Hume / ed. by D.F. Norton. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 1–32.
Porter R. Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. L.: Penguin Books, 2001. 728 p.
Potkay A. The Passion for Happiness: Samuel Johnson and David Hume. Itaka and London: Cornell University Press, 2000. 241 p.
Russell P.A. Hobbist Tory: Johnson on Hume // Hume Studies. 1990. Vol. 16. № 1. P. 75–80.
The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. A Journey to the Western Islands of Scotland / ed. by M. Lascelles. New Haven and L.: Yale University Press, 1971. 198 p.
The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 14. Sermons / ed. by J. Hagstrum, J. Gray. New Haven and London: Yale University Press, 1978. 366 p.
The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 21. The Lives of the Poets / ed. by J.H. Middendorf. New Haven and London: Yale University Press, 2010. 556 p.

***Косых Татьяна Анатольевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; kskhtt@gmail.com*

Samuel Johnson vs David Hume: Confrontation of the «Culture of Spirit» and the «Culture of Reason»

The article is devoted to the history of confrontation between two British intellectuals of the Eighteenth century – Samuel Johnson and David Hume. The author analyses views of English lexicographer and Scottish philosopher on zealous religiosity and belief in miracles, on happiness and history. Attention is focused on the personification by Johnson and Hume of two intellectual traditions of the Age of Enlightenment. Johnson was an adherent of a «culture of the spirit», for whom freedom of thought did not imply an encroachment on faith. Hume was a prominent representative of the «culture of reason» who advocated rational cognition of the world and man.

Keywords: British History, Age of Enlightenment, English Enlightenment, Scottish Enlightenment, intellectuals, Samuel Johnson, David Hume

***Tatiana Kosykh**, Ph.D. (History), Senior Lecturer, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; kskhtt@gmail.com*